

Отечество

ТАРХАНЫ

СЛЕВА от дороги в долине стояло село. Ясный осенний день замер над ним, кружились в безветрии листья. На огородах копали картошку. Хозяйки возле водопроводных колонок обсуждали свои дела. Прогудел грузовик с дровами. Обычная осенняя будничная жизнь шла своим чередом, до отказа заполненная большими и малыми хлопотами и немудрящими радостями.

На окраине в заросшем саду доцветал татарник. Поздние шмели гудели на цветах. Через усеянную старыми ветлами плотину я подошел к пологой горке, охваченной подковой сонных прудов, подернутых ряской. На холме стоял двухэтажный дом с балконом и виднелась среди деревьев маковка миниатюрной церкви. И такая тишина висела над этим уголком земли, что отчетливо слышалась игра ивовых листьев. И этот аккуратный дом, и никуда не бегущие воды прудов, и задумчивая печаль деревьев — от всего веяло поэтической стариной.

По тенистой аллее я поднялся в Тарханы.

Природа одарила мальчика Михаила Лермонтова возвышающим и утешающим общением с наполненным поэзией миром природы. После смерти матери бабушка поэта Е. А. Арсеньева сделала все возможное, чтобы обожаемый внук остался жить с ней. Кто знает, не это ли предопределило его поэтическую судьбу? Не здесь ли впервые потревожили душу смутные видения? Не под этими ли печальными ивами шептались изначально строчки? И не отсюда ли открывалось поэту беспредельное величие народа и родины?

Не надо гадать. Михаил Юрьевич сам ответил на эти вопросы. Откройте его томик — на многих страницах почувствуете отблеск тархановской поры, уловите приметы любимой родины поэта. Разве не среди печальных полей детства запал в душу горьковатый дымок осеннего горящего жнивья и вылился щемящей строкой:

«Люблю дымок спаленной жнивья».

Разве не образ родных Тархан как отрадная картина вспоминался ему в холодном Петербурге?

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд, А за прудом село дымится — и встают Вдали туманы над полями.

Здесь пришло к нему то великое чувство жизни, о котором он сказал: «Люблю отчизну я...»

...За что, не знаю сам, — Ее степей холодное молчанье, Ее лесов безбрежных колыханье, Разливы рек ее, подобные морям.

Тарханы — не только место бытия и мир детства. Это — творческая колыбель поэта. Здесь написаны «Черкесы», создана драма «Два брата», поэма «Сашка» и другие произведения. И разве не видим мы явные признаки тарханских впечатлений в романе «Вадим», в «Песне про купца Калашникова», в «Бородине» или «Родине»? Нет, они не исчезли бесследно — дни, прожитые в затерянном на огромных просторах России уголке земли. Они невидимыми родниками питали могучую реку лермонтовской поэзии, не давая ей ни оскудеть, ни остановиться. И именно за это благодарность к Тарханам живет в каждом из нас.

◆ Памятник М. Ю. Лермонтову в Тарханах.

◆ У дуба, посаженного поэтом.

Фото Ю. Инякина.

Это о Тарханах сказал он с глубочайшей силой предвидения:

Есть место, где я буду отдыхать, Когда мой прах, смешавшийся с землей, Навеки прежний вид оставит свой...

Увы, сбылось это горькое пророчество. В центре села среди деревьев — часовня. И, словно охраняя вход в усыпальницу, стоит рядом могучий дуб, ветви которого, как бы хотелось поэту, склоняются и шумят над скорбной могилой...

ПОЧТИ 165 лет прошло с тех пор, когда Мишу Лермонтова родители впервые привезли сюда, в Тарханы. 138 минуло с того дня, когда печальный свинцовый гроб с телом поэта обрел здесь свое вечное пристанище. Немалый срок. А Тарханы все больше и больше наполнились поэзией Лермонтова, его неукротимым духом, его незримым присутствием. Это постоянное пребывание вечно живого поэта и придает им ту трудно выразимую словами притягательность, о которой Константин Паустовский сказал: «Я не знаю, в чем очарование мест, связанных с памятью замечательных людей. Но оно — бесспорно». Это в полной мере может быть отнесено к Тарханам — тому уголку благословенной русской земли, с которым оказался связанным навеки талант одного из самых блестящих и бесстрашных рыцарей поэзии.

История старинного села возле большого почтового тракта началась еще в XVIII веке. Оно не раз меняло свое название, но обрело всемирную известность под тем именем, которое носило в лермонтовскую пору.

Многие ветры времени пролетели над Тарханами, унося частицу той поры, когда усадьба над прудами знала Михаила Юрьевича. После гибели поэта и смерти хозяйки Тарханы стали ветшать и меняться. Дом, где прошло детство и отрочество поэта, был переделан. В 1908 году он пострадал от пожара. В парке вырубili старые деревья, зарастали пруды, менялся ландшафт.

Но люди хотели сохранить облик Тархан. Еще в 1881 году один из первых биографов поэта П. Висковатый составил точный план расположения комнат тарханского дома. Документы сохранили и описание внешнего вида его. Но должна была наступить новая эпоха, чтобы к людям вновь вернулось очарование лермонтовских Тархан.

Еще и года не прошло после Великой Октябрьской революции, еще множество было у молодой Советской республики важнейших забот, а нарком просвещения А. В. Луначарский уже дал указание отметить Дом в Тарханах мемориальной доской. В 1936 году в усадьбе начались работы по организации музея. 30 июля 1939 года Лермонтовский музей был торжественно открыт. Но работа на этом не закончилась.

НАДО ли говорить, что воссоздание исторической достоверности — труд долгий и кропотливый? Предстояло реставрировать не только дом, усадьбу, церковь и другие постройки. Речь шла о возрождении всего усадебного комплекса — парков и садов, прудов и аллей, усадебных строений и отдельных деревьев. За дело взялись литературоведы, археологи, ландшафтные архитекторы и садовники. Старший инженер лесопроекта В. Агальцева после тщательных поисков составила проект реставрации всего ландшафта

первой половины прошлого века. Сотрудники музея В. Арамасцев, Т. Мельникова, В. Рыбакова, главный хранитель Гослитмузея В. Попов, кандидат наук И. Гладыш, художник В. Гаврилов и многие другие буквально по крохам возвращали Тарханам их своеобразие и прелесть. Благодаря стараниям людей, их преданности, их стремлению воссоздать почти невозможное мы чувствуем и сегодня в Тарханах волнуемое присутствие Михаила Юрьевича Лермонтова.

«От барского дома по скату горы до самой реки расстелился фруктовый сад. С балкона видны были дымящиеся села Луговой стороны, синюющие степи, желтеющие нивы. Барский дом был деревянный с мезонином, выкрашенный желтой краской, а двор обстроен был одноэтажными длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведен валом, на котором качались и сохли жидкие ветлы», — вспоминал Лермонтов.

И сейчас, миновав плотину верхнего пруда, вступив со стесненным сердцем на заповедную землю, вы можете увидеть все это. Можете постоять над безмолвием прудов, затихших в обросших осокой берегах. Побывать в доме ключника. Спуститься в сад, полюбоваться окрестностями с гребня вала, существующего до сих пор. И, надышавшись воздухом осенних Тархан, осторожно подняться по деревянным лестницам дома Е. А. Арсеньевой в лермонтовские комнаты. Шагнув за дверь, вы непременно остановитесь. Немного вещей осталось после недолгой жизни гениального поэта: шкатулка, портсигар, курительная трубка, личная печатка, рисунки и книги. И вы не в состоянии отвести от них взгляд. Мысль о том, что их касалась рука гения, ошеломляет вас. Так же, как остро вспыхнувшее вдруг чувство кровной сопричастности к необъятному, возвышенному и даже загадочному миру, созданному пером, которое держала рука опально-го поручика.

Входя в лермонтовский мемориал, вы соприкасаетесь с вечностью, вы полны гордого сознания того, что здесь, на русской земле, окреп, вырос и обрел всемирное звучание голос не просто великого поэта, но и нашего соотечественника, чья жизнь так же, как и наша, глубокими корнями навеки связана с Родиной. И это чувство дарят нам Тарханы.

...Я прощался с памятными местами. Где-то за дальней рощей прогрохотал поздний осенний гром, ближе, к прудам, придвинулись грозные тучи. И краткий облегчающий ливень прошумел над усадьбой. Задымилась мокрый асфальт, всполошились утки на прудах.

А потом выглянуло солнце. И вдруг вознеслась, взметнулась над полями и рощами, над плотинкой и нивами крутая радуга. Одним своим концом она опиралась на зеленую луговину усадьбы, другой терялся где-то вдали уже по-осеннему пустынных, замерших в ожидании зимы совхозных полей. Так и стояла эта радуга над землей древних Тархан, радуя глаз и веселя душу. Стояла, словно вечный мост радости и понимания, соединяющий прошлое и будущее, боль и радость, сердце Михаила Юрьевича и наши сердца.

Ж. МИНДУБАЕВ,
соб. корр. «Известий»
ТАРХАНЫ.